

оригинальная статья

Особенности производства в арбитражном суде первой инстанции

Трезубов Егор Сергеевич

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

<https://publons.com/researcher/2060479>

egortrezubov@mail.ru

Поступила в редакцию 10.01.2022. Принята после рецензирования 07.02.2022. Принята в печать 14.02.2022.

Аннотация: Дан комментарий к отдельным правовым позициям, сформулированным в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 46 от 23.12.2021, а также новеллам регламентации веб-конференции в арбитражном процессе. Пленум Верховного Суда РФ ориентирует участников процессуальных отношений на необходимость добросовестной реализации принадлежащих им прав и обязанностей в условиях состязательного процесса, указывает на обязательность применения последствий злоупотребления процессуальными правами. Акцент на рисковый характер процессуальных отношений позволяет стимулировать не только применение мер ответственности, но и призывает участников процессуальных правоотношений к добросовестной и своевременной реализации принадлежащих им прав и обязанностей. Отмечена сохраняющаяся неопределенность в вопросах определения категорий *иная экономическая деятельность* и *спор о праве на недвижимое имущество*, лежащих в основе определения компетенции арбитражных судов. Критикуются решения Пленума Верховного Суда РФ об установлении пониженных требований к профессиональному и образовательному цензу представителя, к порядку оформления его полномочий в случае совершения таким лицом действий технического характера. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о необходимости ходатайства о допуске лица в качестве договорного представителя в каждом судебном заседании характеризуются как противоречащие принципу процессуальной экономии и правовой природе процессуального правоотношения. Проведен обзор изменений Арбитражного процессуального кодекса РФ в части проведения судебных заседаний с использованием систем веб-конференций.

Ключевые слова: состязательность, профессиональный процесс, компетенция арбитражного суда, представительство, веб-конференция, онлайн-заседание

Цитирование: Трезубов Е. С. Особенности производства в арбитражном суде первой инстанции. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 1. С. 75–86. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-1-75-86>

original article

Subtleties of Proceedings in the First Instance of the Commercial Court

Egor S. Trezubov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://publons.com/researcher/2060479>

egortrezubov@mail.ru

Received 10 Jan 2022. Accepted after peer review 7 Feb 2022. Accepted for publication 14 Feb 2022.

Abstract: The article contains some comments on the legal positions stated in the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 46 dated December 23, 2021, as well as on novelties in the regulation of arbitration web conferences. The Decree points the participants of procedural relations to the need for conscientious implementation of their rights and obligations in the conditions of an adversarial process. It also indicates their obligation to apply the consequences of abuse of procedural rights. The emphasis on the risky nature of procedural relations stimulates the application of liability measures and encourages participants to exercise their rights and obligations. The categories of "other economic activity" and "dispute on the right to real estate" underlie the competence of arbitration courts but remain unclear. The author criticizes the decisions of the Plenum to lower the requirements for qualifications of legal representatives and formalize their powers in technical actions. The fact that a contractual representative has to apply for admission at each court session contradicts the principle of procedural economy and the legal nature of the procedural legal relationship. The article also reviews the amendments to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in terms of online court sessions.

Keywords: adversarial litigation, professional litigation, jurisdiction of the commercial court, legal representation, webconference, online court session

Citation: Trezubov E. S. Subtleties of Proceedings in the First Instance of the Commercial Court. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2022, 6(1): 75–86. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-1-75-86>

Введение

23.12.2021 Пленум ВС РФ принял постановление № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции»¹ (далее – Постановление № 46), отменившее во многом неактуальное Постановление Пленума ВАС РФ № 13² от 31.10.1996, толкующее правила производства в арбитражном суде первой инстанции. С момента принятия указанного Постановления 1996 г. произошло немало изменений в правовом регулировании, начиная от принятия совершенно иного Арбитражного процессуального кодекса 2002 г., продолжая общими трендами унификации и деритуализации цивилистического процесса и заканчивая масштабными изменениями «процессуальной революции» и появлением новых механизмов удаленного участия в судебном заседании. Разумеется, потребность в масштабных разъяснениях процессуального законодательства, подлежащего применению в суде первой инстанции, назрела давно. Более того, в Постановлении № 46 ряд позиций сформулирован с акцентом на профессионализацию процесса, на необходимость исходить из его состязательных, а не социальных начал, что по своей значимости может означать смену парадигмы, долгое время поддерживаемой ВС РФ.

Под конец 2021 г. был принят ФЗ № 440-ФЗ³ от 30.12.2021, которым в Арбитражный процессуальный кодекс РФ были внесены изменения, связанные с правовым регулированием веб-конференций и иных компонентов современной системы электронного судопроизводства [1, с. 636]. Данные поправки не только призваны институционализировать сервисы, применяемые судами в условиях пандемии коронавируса, но и создают предпосылки для дальнейшего развития технологий электронного правосудия в России. Однако в рамках настоящего исследования уделим внимание лишь правилам организации веб-конференций в арбитражном процессе.

Указанные новеллы правоприменения и правового регулирования вызвали определенный резонанс в доктрине и на практике и требуют критического осмысления.

Тезисы данного исследования, послужившие основой для написания статьи, были высказаны автором ранее в публикации «Акцент – на профессионализации арбитражного процесса»⁴.

1. Акцент на профессионализации процесса

Идеи профессионального судебного процесса зиждутся на началах состязательности и реальности наступления неблагоприятных последствий пассивного или недобросовестного поведения [2, с. 16]. Своевременность совершения процессуальных действий в профессиональном процессе – единственно возможная модель поведения, позволяющая управлять процессуальными рисками [3, с. 51]. Нарушение правил о заблаговременном раскрытии доказательств, несоблюдение сроков заявления требований, представления жалоб и прочее неизбежно должны становиться преградой в реализации процессуального права. Противоположностью профессиональному, состязательному, процессу является процесс социальный, инквизиционный. Последние годы ВС РФ как на уровне постановлений Пленума, так и в конкретных делах, рассматриваемых в кассационном порядке, придерживался идей социального процесса во всех категориях дел, относимых к компетенции и судов общей юрисдикции, и арбитражных судов. Но если правило *jura novit curia* (лат.: суд знает законы) в гражданском или административном судопроизводстве может быть истолковано ограничительно (только суд обязан знать закон), то подобная логика неприменима в экономических правоотношениях, субъектами которых являются хозяйствующие субъекты, осуществляющие предпринимательскую деятельность, имманентной характеристикой которой является рисковый характер и имущественная самостоятельность.

Идеи профессионального процесса культивировались Высшим Арбитражным Судом РФ вплоть до своего упразднения. ВС РФ такая логика была чужда в абсолютном большинстве случаев. Теперь мы видим обратное, и хочется верить, что суды, лица, участвующие в деле, и их представители сделают необходимые выводы.

¹ О применении АПК РФ при рассмотрении дел в суде первой инстанции. Постановление Пленума ВС РФ № 46 от 23.12.2021. *Российская газета*. 2022. № 7.

² О применении АПК РФ при рассмотрении дел в суде первой инстанции. Постановление Пленума ВАС РФ № 13 от 31.10.1996 (утратило силу). *Вестник ВАС РФ*. 1997. № 1.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ № 440-ФЗ от 30.12.2021. *Российская газета*. 2022. № 1.

⁴ Трезубов Е. С. Акцент – на профессионализации арбитражного процесса. ВС меняет парадигму правосудия по экономическим спорам, возвращаясь к позициям ВАС. *Адвокатская газета*. 20.12.2021. Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/aktsent-na-professionalizatsii-arbitrazhnogo-protsessa/> (дата обращения: 23.01.2022).

В п. 2 Постановления № 46 разъяснено, что отказ стороны от фактического участия в состязательном процессе, в том числе непредставление или несвоевременное представление отзыва на исковое заявление, доказательств, уклонение стороны от участия в экспертизе, неявка в судебное заседание, а также сообщение суду и участникам процесса заведомо ложных сведений об обстоятельствах дела в силу правил принципа состязательности (ч. 2 ст. 9 АПК РФ) может влечь для стороны неблагоприятные последствия. Среди таковых Пленум указывает неисчерпывающим образом отнесение на лицо судебных расходов (ч. 5 ст. 65 АПК РФ), рассмотрение дела по имеющимся доказательствам (ч. 4 ст. 131 АПК РФ), оставление искового заявления без рассмотрения в случае повторной неявки в судебное заседание истца или его представителя (п. 9 ч. 1 ст. 148 АПК РФ), появление у другой стороны спора возможности пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с последующим открытием существенных обстоятельств, повлиявших на исход дела (п. 1 ч. 2 ст. 311 АПК РФ). В п. 32 Постановления № 46 обращено внимание на право арбитражного суда возвратить встречный иск, поданный с нарушением правил компетенции (что очевидно) или в результате согласованных действий истца и ответчика, направленных на обход правил исключительной подсудности, а также если суд установит, что подача встречного иска направлена на воспрепятствование рассмотрению дела или затягиванию процесса. Расширить этот перечень следует и необходимостью установления или опровержения факта в зависимости от процессуального поведения стороны, препятствующей проведению экспертного исследования. Такое последствие ранее было сформулировано в Постановлении Пленума ВАС РФ № 66⁵ от 20.12.2006 и может быть применено в порядке аналогии процессуального закона (ч. 3 ст. 79 ГПК РФ). В целом состязательные начала гражданского процесса позволяют широко применять «улики поведения» [4, с. 30–31] и констатировать неблагоприятные последствия поведения участника процессуальных правоотношений.

Принцип состязательности является не единственным принципом гражданского процесса, он наряду с законностью, диспозитивностью и иными принципами формирует данную отрасль. В общегражданском процессе недопустим отказ в принятии решения по мотивам недостаточности доказательств [5, с. 72], иное бы ограничивало право на судебную защиту и умаляло принцип законности. Между тем в случае неисполнения стороной обязанности по доказыванию обстоятельств, на которых основываются ее требования или возражения, суд по общему правилу не должен выполнять активную роль в установлении фактических обстоятельств дела и истребовать доказательства по собственной инициативе. Как емко сформулировал О. Бюлов, возражения ответчика против иска, формируемые

на основе материальных и процессуальных норм права, «есть все, что он против такового должен обосновать, если хочет быть уверен, что привлечет внимание суда» [6, с. 226]. Если бремя доказывания не выполнено стороной, соответствующий факт должен считаться установленным или опровергнутым [5, с. 76], а в конечном счете суд решает дело в пользу той стороны, которая выполнила возложенное на нее бремя доказывания. При невыполнении обеими сторонами обязанности по доказыванию суд отказывает в удовлетворении заявленных требований [7, с. 124–125].

В абсолютном большинстве случаев неисполнение обязанности по доказыванию или несвоевременное представление доказательств лицами, участвующими в деле, нельзя признать правонарушением, поэтому и не наступают такие последствия, как наложение судебного штрафа. Здесь можно говорить о недобросовестном поведении лиц, влекущем за собой неблагоприятные последствия (ч. 2 ст. 41 АПК РФ).

С. А. Курочкин справедливо отмечает, что законность выступает важнейшим условием эффективности судопроизводства, представляющим собой обязательный для участников процесса и суда стандарт справедливого и эффективного разбирательства, фундаментальное условие, определяющее эффективное разрешение спора юрисдикционным органом [8, с. 223].

Принцип состязательности состоит в тесной связи и с диспозитивными началами гражданского процесса. Не вызывает сомнений, что диспозитивность в гражданском и арбитражном процессе не безгранична. Разрешение спора судом выступает публичной функцией, реализация которой не может ставиться в зависимость лишь от свободы поведения участников процессуальных отношений, от представления или непредставления ими доказательств, активного возражения против требований оппонента. Поэтому специфика диспозитивности в гражданском процессе предполагает лишь право выбора совершения действия или воздержания от него в пределах, допустимых законом. Диспозитивность не распространяется на обязательного участника процессуальных правоотношений – суд, который в обеспечение реализации принципа законности должен разрешить спор, вынести законное и обоснованное постановление по делу. Нельзя упускать из виду и задачи судопроизводства, одной из которых является реальная защита прав и законных интересов лиц. Поэтому в эффективной модели судопроизводства должен обеспечиваться баланс частных и публичных интересов. Так, не будет отвечать критериям законности вынесение решения об удовлетворении иска при отсутствии убедительных доказательств его обоснованности, даже если ответчик не оспаривает предъявленное к нему требование. Публично-правовая природа гражданских процессуальных правоотношений исключает принятие подобных актов.

Гражданское судопроизводство должно развиваться в направлении укрепления ответственности сторон

⁵ О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе. Постановление Пленума ВАС РФ № 66 от 20.12.2006, п. 5 (утратило силу). *Вестник ВАС РФ*. 2007. № 2.

за совершенные процессуальные действия [8, с. 233]. Поэтому разъяснения, данные Пленумом ВС РФ в п. 2 Постановления № 46, имеют принципиальное значение в методических целях. Суды должны быть ориентированы на применение последствий бездействия лица, участвующего в деле, злоупотребления им процессуальными правами, несвоевременного совершения процессуальных действий и иного недобросовестного поведения. А лица, участвующие в деле, и их представители должны объективно оценивать риск наступления неблагоприятных последствий своего процессуального поведения. На формирование соответствующих подходов в правоприменительной практике, несомненно, уйдет время, но хочется верить, что соответствующий процесс уже запущен.

Применение принципа добросовестности (не поименованного как специальный принцип процессуального права в процессуальных кодексах и вызывающего немало дискуссий в науке гражданского процесса [9, с. 118], но, как полагаем, являющегося общеправовым) позволяет суду квалифицировать действия или бездействие участника как злоупотребление правом, как по собственной инициативе, так и по заявлению оппонента. Рассмотрение дела при этом должно происходить в условиях обеспечения соблюдения принципов процессуальной экономии и правовой эффективности, без умаления каких-либо процессуальных гарантий. Поэтому суду допустимо применять правовые последствия, в том числе предусмотренные в ст. 111 или в ст. 159 АПК РФ.

Продолжает тренд профессионализации процесса п. 38 Постановления № 46, в котором разъяснено право арбитражного суда не только отнести по правилам ст. 111 АПК РФ судебные расходы в связи с непредставлением истребованного судом доказательства на лицо, участвующее в деле, но и посчитать обстоятельства установленными или опровергнутыми в зависимости от интереса уклоняющегося лица. Согласно правилу абз. 2 п. 10 ч. 2 ст. 125 АПК РФ в исковом заявлении может содержаться просьба об истребовании доказательств от ответчика и других лиц. Между тем в условиях состязательного процесса всегда возникает вопрос о допустимости истребования доказательств от лиц, участвующих в деле. По общему правилу суд не вправе вмешиваться в сбор доказательств на стороне истца или ответчика, т. к. это приводит к нарушению принципов состязательности и равноправия [10, с. 129], и соответствующие изъятия допускаются в спорах, стороны которого неравноправны.

Судебная практика свидетельствует о том, что суды крайне редко истребуют доказательства от лиц, участвующих в деле, в исковом судопроизводстве, и еще реже применяют к не исполняющим определение суда лицам какие-либо меры ответственности. Действительно, если судом установлено, что необходимое доказательство находится в распоряжении стороны, которая уклоняется от представления данного

доказательства, намного эффективнее считать соответствующее обстоятельство установленным или опровергнутым, нежели безрезультатно истребовать материалы от лица, участвующего в деле. Убеждены, что без полноценных разъяснений о пределах полномочий суда по истребованию доказательств по ходатайству лиц, участвующих в деле, позиция, сформулированная в абз. 6 п. 38 Постановления № 46, не сможет применяться широко, поэтому она лишь подчеркивает обозначенную в настоящем разделе статьи тенденцию профессионализации арбитражного процесса.

Роль председательствующего в судебном заседании состоит в руководстве процессом, а это означает, что он должен пресекать любые проявления злоупотребления процессуальным правом, не лишая при этом права на судебную защиту лица (на что обращено внимание в абз. 3 п. 32 Постановления № 46), но гарантируя добросовестному оппоненту возмещение его судебных расходов вне зависимости от исхода дела.

В практике арбитражных судов довольно распространены случаи применения норм ст. 111 АПК РФ [11, с. 330] об отнесении судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими правами вне зависимости от исхода дела. Эта норма, в отличие от неработающих правил ст. 99 ГПК РФ [12, с. 141; 13, с. 79], корректно сформулирована и, несмотря на отсутствие в процессуальном законе понятия *злоупотребление процессуальным правом*, не вызывает существенных проблем на практике. Убеждены, что для профессионализации арбитражного процесса применение указанных правил возложения бремени возмещения судебных расходов должно осуществляться еще чаще, а не как мера реагирования на вопиющее поведение лица, участвующего в деле, или его представителя. Неотвратимость наступления неблагоприятных последствий недобросовестного поведения – самый значимый критерий становления действительно состязательного процесса.

2. Отдельные проблемы определения компетенции арбитражного суда

2.1. Определение понятия иная экономическая деятельность

В пунктах 3 и 4 Постановления № 46 Пленум ВС РФ дает разъяснения относительно применения правил компетенции в арбитражном процессе. Так, в абз. 3 впервые на уровне постановления Пленума дается разъяснение содержания категории экономической деятельности. Будучи базисом для определения компетенции арбитражных судов, соответствующая категория раскрывалась лишь фрагментарно в судебной практике и доктрине, легальное понятие отечественный законодатель так и не сформулировал. В постановлении ЕСПЧ от 23.07.2009 по делу «Сутяжник (Sutyazhnik) против Российской Федерации» (жалоба № 8269/02)⁶ указано на неясность определения «экономического» характера спора. По сути, любая деятельность

⁶ Дело «Сутяжник» (Sutyazhnik) против РФ (жалоба № 8269/02). Постановление ЕСПЧ от 23.07.2009. *Бюллетень Европейского Суда по правам человека*. 2010. № 3.

субъектов гражданского оборота имеет экономическую основу. При этом понятие *иная экономическая деятельность*, используемая для определения компетенции арбитражных судов (ч. 1 ст. 27 АПК РФ), не имеет точного определения и носит субъективный, оценочный характер. Экономистами, а также юристами, занимающимися предпринимательским правом, указывается, что экономической деятельностью является любая деятельность коммерсантов (производителей, исполнителей, торговцев и т. д.), в том числе и некоммерческих организаций, связанная с организацией процесса производства товаров, работ, услуг. Являясь более широкой категорией и включая в себя как коммерческую (предпринимательскую), так и некоммерческую деятельность организаций и индивидуальных предпринимателей, экономическая деятельность создает организационные основы для осуществления предпринимательской деятельности коммерсанта или хозяйственной деятельности некоммерческой организации.

Экономическую деятельность составляют процессы, возникающие в результате производства, распределения, обмена, потребления ресурсов и благ⁷. В п. 1 «Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации»⁸ был определен единственный критерий экономического характера спора – направленность на получение дохода.

В Определении № 985-О⁹ от 13.05.2014 Конституционный Суд РФ, учитывая неопределенность в определении предметного критерия, указал, что вопрос о разграничении подведомственности дел с участием граждан между судами общей юрисдикции и арбитражными судами должен решаться исходя, прежде всего, из критерия субъектного состава спора. Эта позиция снискала поддержку и в процессуальной доктрине [14, с. 22].

Как указано в Постановлении № 46, к иной экономической деятельности следует относить в том числе деятельность хозяйствующих и иных субъектов (ст. 23 ГК РФ, пункты 1 и 3 ст. 50 ГК РФ), связанную с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице (ч. 1 ст. 225.1 АПК РФ), осуществлением указанными субъектами своих имущественных и неимущественных прав в сфере производства, распределения, обмена, промышленного потребления ресурсов и благ, восстановлением и поддержанием на надлежащем уровне функционирования юридического лица, необходимого для достижения его уставных целей.

Станет ли теперь проще в спорных ситуациях (а их особенно много в административном судопроизводстве) разграничивать компетенцию судов общей юрисдикции и арбитражных судов? Едва ли. Сформулированная позиция

является консолидацией сформировавшихся подходов, но все еще не обеспечивает должную транспарентность и определенность.

2.2. Недопущение споров о компетенции между судами

Состоявшаяся «процессуальная революция» была направлена на исключение случаев отказа в праве на судебную защиту. Для этого введены правила передачи дела по правилам компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции. Поддерживая указанную идею, в п. 4 Постановления № 46 сформулировано правило принятия арбитражным судом к своему производству заявления, возвращенного ранее судом общей юрисдикции по мотивам отсутствия его компетенции. Данное разъяснение подлежит применению даже в случаях, когда арбитражный суд принимает к своему производству дело, заведомо не относящееся к его компетенции. Поскольку споры о компетенции недопустимы, а определение суда общей юрисдикции о возвращении искового заявления или административного искового заявления истцом / административным истцом не было обжаловано в апелляционном порядке, арбитражный суд будет вынужден принять к своему производству соответствующее заявление.

Ничего революционного в данном разъяснении нет, оно закрепляет подход, сформированный в судебной практике, и объясняется недопустимостью ограничения гарантированного Конституцией РФ права на судебную защиту [15, с. 39]. Арбитражному суду по итогам рассмотрения дела придется только указать в постановлении, что принятие к производству данного дела обусловлено качествами законной силы определения суда общей юрисдикции о возвращении искового заявления.

То же произойдет и в случае, когда суд общей юрисдикции передаст по правилам компетенции дело в арбитражный суд. Последний, даже будучи уверенным в отсутствии полномочий по рассмотрению данного спора, не установив новых обстоятельств, влияющих на правила компетенции, которые не были установлены судом общей юрисдикции, не сможет передать дело в иной суд. Указанное объясняется тем, что при передаче дела, производство по которому уже возбуждено, не решается вопрос о принятии заявления к производству, здесь уже не будет стадии возбуждения производства по делу. После поступления из суда общей юрисдикции в арбитражный суд дела начинается стадия подготовки дела к судебному разбирательству, и вернуть заявление нельзя. Судья арбитражного суда, понимая незаконность вынесенного судом общей юрисдикции определения о передаче дела, не обладает правом его оспаривания, равно как и не может вынести частное определение, требуя устранить выявленную

⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ № 305-ЭС20-4513 от 16.09.2020 по делу № А40-240512/2018. СПС КонсультантПлюс.

⁸ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом ВС РФ 16.03.2016). *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2016. № 10.

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мартынова Виктора Львовича на нарушение его конституционных прав частью третьей ст. 22 ГПК РФ. Определение КС РФ № 985-О от 13.05.2014. *Вестник Конституционного Суда РФ*. 2014. № 5.

незаконность (все же судьи независимы, даже если принимают незаконные акты). Поэтому рассматривать переданное суду дело – это единственный возможный вариант поведения. И только если арбитражный суд впоследствии, до принятия итогового судебного акта, выявит новые обстоятельства, не установленные ранее судом общей юрисдикции, возможно применение правил ст. 39 АПК РФ.

2.3. Правила исключительной подсудности требований о правах на недвижимое имущество

В п. 9 Постановления № 46 отражены подходы к определению правил исключительной подсудности исков о правах на недвижимое имущество и приводятся примеры соответствующих требований: иски об истребовании имущества из чужого незаконного владения, об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, об установлении сервитута, о разделе имущества, находящегося в общей собственности, о признании права, об установлении границ земельного участка, об освобождении имущества от ареста, о признании права на недвижимое имущество отсутствующим. По месту нахождения недвижимого имущества также рассматриваются дела, в которых удовлетворение заявленного требования и его принудительное исполнение повлекут необходимость государственной регистрации возникновения, ограничения (обременения), перехода, прекращения прав на недвижимое имущество или внесения записи в Единый государственный реестр недвижимости в отношении сделок, подлежащих государственной регистрации.

По сути, приведенные положения дублируют разъяснения, содержащиеся в п. 2 Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ № 10/22¹⁰ от 29.04.2010 и п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ № 54¹¹ от 12.10.2006. Хотелось бы увидеть решение коллизии с определением правил подсудности исков об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество.

Дело в том, что в данном вопросе существует «недосказанность», поскольку ВАС РФ прямо указывал, что требование о взыскании денежных средств путем обращения взыскания на недвижимость является иском о праве на такое имущество, предъявляемым по правилам об исключительной подсудности¹². Такие разъяснения были восприняты и в судебной практике [16, с. 25].

Противоположная позиция была высказана ВС РФ¹³ и КС РФ¹⁴ и сейчас является доминирующей¹⁵: спор об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество не является спором о правах на это имущество, поскольку его предмет – осуществление действий, результатом которых должна быть передача денежных средств. На существующую неопределенность в вопросах определения подсудности исков об обращении взыскания на заложенное имущество до сих пор обращается внимание и в литературе [17; 18, с. 20; 19, с. 55–56]. Между тем неопределенность в вопросе установления компетентного суда недопустима. Каждому гарантируется право на судебную защиту тем судом, к компетенции которого соответствующее требование относится (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ), а установление правил подведомственности и подсудности является исключительным полномочием законодателя [15, с. 201].

Более того, в условиях проведения реформы вещного права нельзя игнорировать то, что ипотека как залог недвижимого имущества разработчиками реформы рассматривается как ограниченное вещное право [20, с. 74]. Кроме того, важно учитывать, что меры принудительного исполнения при обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество в соответствии со ст. 33 ФЗ «Об исполнительном производстве» будут применяться именно по месту нахождения имущества, и в конечном счете это потребует совершения регистрационных действий. К тому же в случае необходимости предоставления должнику отсрочки или рассрочки исполнения судебного акта, изменения способа и порядка его исполнения в силу правил ст. 324 АПК РФ с соответствующим заявлением будет необходимо обратиться именно в суд, вынесший решение. Учитывая, что лицом, участвующим в деле при рассмотрении такого заявления, будет судебный пристав-исполнитель, в производстве которого находится исполнительное производство, позиция ВАС РФ выглядит предпочтительней. Нельзя исключать и возможную реализацию права *lex commissoria* взыскателя-залогодержателя – право на оставление заложенного имущества взыскателем за собой [21, с. 7]. Поэтому указанная проблема исключительной подсудности все еще требует решения.

¹⁰ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав. Постановление Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010. *Российская газета*. 2010. № 109.

¹¹ О некоторых вопросах подсудности дел по искам о правах на недвижимое имущество. Постановление Пленума ВАС РФ № 54 от 12.10.2006. *Вестник ВАС РФ*. 2006. № 11.

¹² См., например: Постановление Президиума ВАС РФ № 1192/13 от 17.09.2013 по делу № А64-7845/2012. СПС КонсультантПлюс; Об отдельных вопросах практики применения АПК РФ. Информационное письмо Президиума ВАС РФ № 99 от 22.12.2005, п. 13. *Вестник ВАС РФ*. 2006. № 3.

¹³ Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств (утвержден Президиумом ВС 22.05.2013), п. 2.1. *Бюллетень ВС РФ*. 2013. № 9.

¹⁴ По делу о проверке конституционности положений п. 1 ст. 11 ГК РФ, п. 2 ст. 1 ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», ст. 28 ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», п. 1 ст. 33 и ст. 51 ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом ВАС РФ. Постановление КС РФ № 10-П от 26.05.2011, п. 5.1. *Вестник Конституционного Суда РФ*. 2011. № 4.

¹⁵ См., например: Определение ВС РФ № 305-ЭС19-7596 от 13.06.2019 по делу № А40-107184/2018. СПС КонсультантПлюс; Определение ВС РФ № 305-ЭС20-3921 от 30.03.2020 по делу № А41-89477/2019. СПС КонсультантПлюс.

3. Особенности статуса представителей в арбитражном процессе

Интерес вызывает разъяснение, содержащееся в последнем абзаце п. 21 Постановления № 46 о распространении на непрофессионального представителя, действующего наряду с адвокатом или представителем, имеющим статус адвоката, высшее юридическое образование или ученую степень по юридической специальности, полноценного статуса договорного представителя.

Ранее суды с учетом разъяснений, приведенных в Постановлении КС РФ № 37-П¹⁶ от 16.07.2020 не принимали распорядительных действий, совершаемых такими представителями (права на реализацию специальных полномочий по ч. 2 ст. 62 АПК де-факто принадлежали только профессиональным представителям и тем, кто вправе действовать без доверенности). Теперь, очевидно, подход скорректируется.

В контексте профессионального представительства важно разъяснение, содержащееся в последнем абзаце п. 22 Постановления № 46: при передаче дела из суда общей юрисдикции (где на уровне мировых судей и районного суда образовательного и профессионального ценза представителя нет) в арбитражный суд лица, участвующие в деле, должны обеспечить соответствие представителя требованиям, предъявляемым к нему в силу правил ст. 59 АПК РФ. С одной стороны, такое решение выглядит неожиданным и порождающим ограничение в доступе к правосудию, но с другой – оно соответствует правилам применения процессуального закона. Насколько известно автору, арбитражные суды в Западно-Сибирском округе не исключали из числа представителей тех лиц, которые были допущены к участию в деле судом общей юрисдикции до передачи дела в суд, но не соответствуют образовательному или профессиональному цензу. Суды в данном случае руководствовались стандартами доступности правосудия и исходили из того, что ничьи права участие такого представителя не нарушает. То, что Пленум дал приведенное выше разъяснение, еще раз подчеркивает заданный тренд профессионализации. Теперь Пленуму ВС РФ осталось сформировать единые подходы решения вопроса прекращения процессуального статуса того или иного участника правоотношений, поскольку цивилистические процессуальные кодексы закрепляют правила допуска к участию в деле, но не исключения из числа участников [22].

В абз. 2 п. 22 Постановления № 46 предлагается послабление, отменяющее ранее данное ВС РФ в ответе на вопрос № 6 Обзора судебной практики ВС РФ № 4 за 2019 г. разъяснение¹⁷: копии дипломов о высшем образовании или об ученой степени представителя заверять теперь не требуется. В целом эти разъяснения упростят жизнь представителям, но в очередной раз показывают, что идея профессионализации

процесса лишь на дипломе о высшем юридическом образовании зиждиться не может.

Применительно к профессиональным цензам представителя в п. 24 Постановления № 46 дается разъяснение относительно возможности отдельных действий лицом, не имеющим юридического образования, ученой степени по юридической специальности или статуса адвоката: подача в суд заявлений и ходатайств, ознакомление с материалами дела, получение копий судебных актов, исполнительного листа. Такое решение противоречит буквальному смыслу ч. 3 ст. 59 АПК РФ, устанавливающей профессиональный ценз представителя как участника процессуальных отношений. Документ об образовании сейчас является наряду с доверенностью документом, подтверждающим полномочия представителя, без его наличия лицо не может быть допущено в качестве представителя (ч. 4 ст. 61 АПК РФ, п. 22 Постановления № 46). Диплом об образовании или об ученой степени нужен для признания статуса участника процессуальных отношений, без него лицо, не имеющее статуса представителя, не может быть признано представителем. Действовать от имени и в интересах доверителя на договорных началах может только представитель, и когда кто-то по доверенности получает исполнительный лист или знакомится с материалами дела, он это делает в статусе представителя. Налицо толкование *contra legem*, обусловленное лишь одним – процессуальной экономией. Совершая перечисленные действия, представитель напрямую контактирует с сотрудниками аппарата суда, вне рамок судебного заседания. Сотрудники аппарата не вправе решать вопрос о допуске участника процессуальных отношений, это полномочия судей. Совершенно очевидно, что авторы Постановления № 46 стремились допустить до подобных технических функций стажеров, ассистентов юристов, выполняющих отдельные поручения своего руководителя.

В целом разъяснение – правильное. Однако Пленуму ВС РФ следует дать объяснения, что понимается под «совершением действий, не связанных с оказанием квалифицированной юридической помощи по делу», нужно не просто привести примеры, а указать, что такие действия не могут быть совершены в рамках судебного заседания, например, предполагают лишь взаимодействие с аппаратом суда и не требуют дачи каких-либо пояснений перед председательствующим в судебном заседании. Те же ходатайства и заявления могут быть поданы как вне рамок судебного заседания (в канцелярию, через сервис «Мой Арбитр», почтой и проч.), так и непосредственно в заседании. Едва ли разработчики имеют в виду, что в заседании процессуальные действия представителя может совершать тот, кто в силу ч. 3 ст. 59 АПК РФ не может быть представителем. Не понятно также, почему для совершения такого рода

¹⁶ По делу о проверке конституционности ч. 3 ст. 59, ч. 4 ст. 61 и ч. 4 ст. 63 АПК РФ в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Александра» и гражданина К. В. Бударина. Постановление КС РФ № 37-П от 16.07.2020. *Вестник Конституционного Суда РФ*. 2020. № 5.

¹⁷ Обзор судебной практики ВС РФ № 4 (2019) (утв. Президиумом ВС РФ 25.12.2019). *Бюллетень ВС РФ*. 2020. № 6.

действий в Постановлении № 46 предлагается по аналогии закона довольствоваться доверенностью, совершаемой не по правилам ст. 61 АПК РФ, а в простой письменной форме (ст. 185 ГК РФ). Видимо, идея этого разъяснения сводится к тому, что процессуальные отношения, в которых требуется применять АПК РФ, возникают лишь во взаимодействии с судьями, а во взаимодействии с аппаратом суда возникают какие-то иные, непроцессуальные отношения. Но такой подход губителен и даже абсурден. Доверенность для всех типов действий представителя в арбитражном процессе должна оформляться по правилам АПК РФ, иначе мы преумножаем сущности без какой-либо объективной надобности. Повторимся, все действия, перечисленные в п. 24 Постановления № 46 как не связанные с оказанием квалифицированной юридической помощи, совершаются участником процессуальных правоотношений, статус которого должен определяться в соответствии с требованиями процессуального, а не материального закона.

В приведенном выше разъяснении п. 24 Постановления № 46 Пленум ВС РФ руководствовался идеей экономии и деритуализации. Во втором абзаце п. 23 наблюдается иной, неоправданно формализованный подход: если полномочия представителя выражены в заявлении представляемого, сделанном в судебном заседании (ч. 4 ст. 61 АПК РФ), то такие полномочия представителя действуют лишь в том судебном заседании, в котором сделано указанное заявление.

Решение о наделении статусом представителя лица, которое допущено к участию в деле по ходатайству представляемого лица, лишь на период одного заседания выглядит неоднозначным и, убеждены, неправильным. В ч. 4 ст. 61 АПК РФ заявление личного ходатайства доверителя определяется как условие допуска и подтверждение полномочий представителя, и совершенно не ясно, почему процессуальный статус представителя должен прекратиться с отложением судебного разбирательства или окончанием судебного заседания по иным основаниям. Получая статус участника процессуальных отношений, мы сохраняем его на весь период судопроизводства по делу, пока этот статус не будет прекращен по основаниям, установленным в законе. Закон не устанавливает обязанность суда в каждом судебном заседании выносить определение о допуске лица к участию в деле в том или ином статусе. Исходя из концепции единого процессуального правоотношения [23, с. 36], допуск к участию в процессе в том или ином статусе осуществляется на период рассмотрения всего дела и на всех его стадиях. Факт заявления ходатайства представляемым отражается в протоколе судебного заседания, его всегда при рассмотрении дела даже в судах проверочных инстанций можно проверить. А значит, требовать личного участия доверителя в каждом заседании лишь с целью заявления ходатайства о допуске представителя по меньшей мере странно, это приведет к совершению большого количества

бессмысленных действий. Целесообразней было бы распространить допуск представителя на все дело и вменить в обязанность доверителя, желающего отказаться от услуг представителя, уведомить суд о прекращении полномочий этого лица (вы заявили о допуске – вы и отзывайте свое ходатайство).

4. Закон о веб-конференциях в цивилистическом процессе

В соответствии с ФЗ № 440-ФЗ АПК РФ от 30.12.2021 был дополнен ст. 153.2 «Участие в судебном заседании путем использования системы веб-конференции». Указанная система, с одной стороны, институционализирует применяемый арбитражными судами сервис онлайн-заседаний, а с другой – создает предпосылки для внедрения более защищенного и функционального комплекса систем дистанционного участия в судебном заседании.

Использование технологий веб-конференций предполагает применение определяемого ВС РФ или Судебным департаментом при ВС РФ сервиса, позволяющего обеспечить не только видеосвязь, но и должную идентификацию участника через Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА «Госуслуги») или посредством использования единой биометрической системы (что необходимо для дальнейшего применения суперсервиса «Правосудие-онлайн»). В отличие от видеоконференц-связи, применяемой в арбитражном процессе с 2010 г., веб-конференции организуются между судом, рассматривающим дело, и самим участником с применением устройства, подключенного к сети Интернет, из любой точки мира. Возникший в условиях пандемии COVID-19 сервис онлайн-заседаний показал свою начальную эффективность и на текущий момент приобрел необходимое качество – урегулированность процессуальной формы.

Несомненно, при применении онлайн-заседаний у судов, лиц, участвующих в деле, и их представителей возникли проблемы как технического, так и юридического характера. Так, сегодня технологии онлайн-заседаний применяют 101 из 115 арбитражных судов¹⁸, у оставшихся судов, среди которых есть арбитражные суды субъектов, арбитражные апелляционные суды и арбитражные суды округов, техническая возможность организации онлайн-заседаний отсутствует. И это, пожалуй, первая серьезная проблема. Согласно ч. 2 ст. 7 ФЗ № 440-ФЗ, положения процессуальных кодексов в редакции данного закона применяются при наличии соответствующей технической возможности в суде. Разные технические возможности судов по организации веб-конференций, несомненно, не способствуют обеспечению единого стандарта доступности правосудия. Принимая во внимание, что для применения ныне существующего сервиса онлайн-заседаний серьезных ресурсов не требуется (это не система видеоконференц-связи,

¹⁸ Перечень судов, для которых доступна возможность проведения онлайн-заседаний. Режим доступа: <https://my.arbitr.ru/#help/4/56> (дата обращения: 23.01.2022).

для онлайн-заседаний суду необходим лишь персональный компьютер, веб-камера с микрофоном и динамики), неиспользование данных технологий, например, Арбитражным судом Республики Татарстан или Арбитражным судом Северо-Западного округа, может быть объяснено лишь нежеланием руководства этих судов, но никак не отсутствием объективной технической возможности.

Некоторые проблемы, выявленные учеными и судами при применении технологий онлайн-заседаний, ФЗ № 440-ФЗ решает. Так, об организации веб-конференции арбитражный суд будет выносить определение (в решении этого вопроса ранее существовала неопределенность, и в большинстве случаев судьи не выносили судебных актов, удовлетворяя ходатайство участника). Закон устанавливает, по аналогии с основаниями для отказа в удовлетворении ходатайства об организации видеоконференц-связи, два мотива отказа в проведении судебного заседания с использованием веб-конференции – отсутствие технической возможности и рассмотрение дела в закрытом судебном заседании.

В ч. 3 ст. 153.2 АПК РФ теперь закреплено право лиц, участвующих в судебном заседании с использованием технологии веб-конференции, подавать в арбитражный суд заявления, ходатайства и прилагаемые к ним документы в электронном виде. Для экспертов, свидетелей и переводчиков ч. 4 ст. 153.2 АПК РФ предусмотрена возможность их участия в судебном заседании посредством веб-конференции и отобрание подписки о разъяснении прав и обязанностей и предупреждении об уголовной ответственности при использовании усиленной квалифицированной электронной подписи. Здесь необходимо обратить внимание на то, что ныне применяемый сервис онлайн-заседаний, встроенный в ресурс «Картотека арбитражных дел», не предполагает мгновенного обмена электронными документами или образами документов, мы все еще подаем материалы в суд в электронной форме заблаговременно, используя сервис «Мой арбитр», или на бумажном носителе. В этой связи используемый для проведения веб-конференций ресурс должен предполагать как возможность моментального обмена документами с судом, так и с лицами, участвующими в деле, иначе будут нарушаться правила ч. 4 ст. 65 АПК РФ о заблаговременном раскрытии доказательств.

Во-вторых, применение для целей участия эксперта, переводчика или свидетеля исключительно усиленной квалифицированной электронной подписи существенным образом ограничивает участие данных лиц в арбитражном процессе. Большинство обращений, подаваемых в арбитражный суд в электронной форме, подписываются сегодня обычной электронной подписью, т. е. подаются в виде скан-образов документов. Применение усиленной квалифицированной электронной подписи, являющейся аналогом собственноручной подписи, предполагает, несомненно, большую уверенность в личности подписанта, но все же сопряжено с дополнительными затратами участников. Поэтому при невозможности принять личное участие в судебном

заседании такие субъекты будут вынуждены явиться в суд лично, увеличивая объем подлежащих распределению по делу судебных издержек, или просить об организации видеоконференц-связи, а не более доступной и простой веб-конференции.

В ч. 5 ст. 153.2 АПК РФ предусмотрена обязанность суда не только осуществлять протоколирование судебного заседания в традиционной письменной форме и в форме аудиозаписи, но и осуществлять видеозапись хода судебного заседания. До вступления в силу данной нормы арбитражные суды, хотя и имели техническую возможность осуществлять видеозапись онлайн-заседания, этого не делали. Указанное правило осуществления видеопотоколирования, несомненно, является значимым, позволяющим обеспечить фиксацию хода процесса и, что более важно, объективно фиксировать технические сбои.

Отдельная проблема, хотя и не юридического, а этического характера, связана с обстановкой, в которой пользователь входит в виртуальный зал судебного заседания. Лица участвуют в судебном заседании с использованием технологии веб-конференции, физически присутствуя в своем офисе, жилище, а то и вовсе находясь в публичных местах или на улице. Появление посторонних лиц в кадре, лишние шумы в эфире и прочих отвлекающих факторов, к сожалению, не редкость. Эта деритуализация процесса дестабилизирует, даже раздражает, но существующий процессуальный инструментарий вполне пригоден для адекватного реагирования на любой подобный казус [24, с. 112], главное помнить, что онлайн-заседание – это обычное заседание суда, и лица находятся не у себя дома, в офисе или в парке, а в зале судебного заседания. И поскольку возможность участия в онлайн-заседании лицу предоставлена по его просьбе, он должен позаботиться о подобающей обстановке самостоятельно. В случае нарушения порядка в виртуальном зале заседания ч. 4 ст. 154 АПК РФ предусмотрена особая мера процессуального принуждения – отключение от веб-конференции – цифровой аналог физического удаления из зала судебного заседания.

Проблема неустойчивого интернет-соединения и наличия неустраиваемых сомнений в личности лица, участвующего в судебном заседании посредством веб-конференции, решена в абз. 2 ч. 5 ст. 158 АПК РФ – суд может отложить судебное разбирательство в указанных случаях.

Таким образом, законом с той или иной степенью успешности решаются выявленные в процессе проведения онлайн-заседаний проблемы. Эти решения не возлагают на суд чрезмерных обязанностей, и подтверждают общее правило – дистанционно, или непосредственно находясь в зале суда, мы участвуем в судебном заседании, и это не может в корне изменить процессуальную форму.

В целом можно утверждать, что изменения, внесенные ФЗ № 440-ФЗ, создают базу для последующего внедрения технологий электронного правосудия, закрепляя процессуальную форму обмена процессуальными документами между участниками, извещения и участия в судебном

заседании с применением электронного кабинета. Когда соответствующие ресурсы станут доступны для участников – вопрос, но создание юридических условий этому является объективной необходимостью.

Программная оболочка, которую используют арбитражные суды в рамках «Картотеки арбитражных дел» сегодня, имеет понятный пользовательский интерфейс и в целом работоспособна. Считаем, что развитие сервиса веб-конференций нужно осуществлять именно в этом ресурсе, нет необходимости переводить его на иную платформу даже после запуска суперсервиса. Однако сами ресурсы «Картотеки арбитражных дел» должны быть модернизированы, т. к. из-за резко возросшей нагрузки серверы, обеспечивающие ее функционирование, периодически не справляются, и сообщения об ошибках в подключении появляются недопустимо часто.

Заключение

Проведенный обзор изменений в правоприменении и правовом регулировании отдельных вопросов производства в арбитражном суде первой инстанции показывает постепенную адаптацию процессуальной формы под объективную действительность. Выявленные тренды профессионализации процесса, если будут поддержаны судами, позволят улучшить качество отправления правосудия по экономическим спорам, стимулируя стороны к добросовестному поведению.

Разъяснения, данные Пленумом ВС РФ в Постановлении № 46, в целом заслуживают поддержки, поскольку выдерживают баланс частных и публичных интересов. В то же время ряд вопросов так и не нашли своего всеобъемлющего ответа, как в случае с определением понятий

спора о праве на недвижимое имущество или иной экономической деятельности. Ряд разъяснений, данных в Постановлении № 46, выглядят внутренне противоречащими друг другу: нецелесообразным видится упрощение требований к профессиональным и образовательным цензам и порядку оформления полномочий представителя, осуществляющего взаимодействие исключительно с аппаратом суда, с одной стороны, и излишний формализм в установлении обязанности заявлять ходатайство о допуске представителя, действующего без доверенности, в каждом судебном заседании, с другой стороны. Любые формальности должны быть объяснены доктринально, иметь соответствующую ценность. В приведенных разъяснениях мы какой-либо значимости не усматриваем, находим их противоречащими доктринальным основам цивилистического процесса.

Краткий анализ изменений, внесенных в АПК РФ ФЗ № 440-ФЗ от 30.12.2021, показал, что процессуальное законодательство готовится к полномасштабному введению сервисов электронного правосудия. Законом в правовом ключе регулируются особенности организации веб-конференций. Остается надеяться, что техническая возможность применения всех цифровых новелл не заставит себя долго ждать.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Право цифровой среды, под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М.: Проспект, 2022. 896 с. *Digital environment law*, eds. Podshivalov T. P., Titova E. V., Gromova E. A. Moscow: Prospekt, 2022, 896. (In Russ.)
2. Звягина Н. С. Процессуальный риск в контексте реализации принципа правовой определенности. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2020. № 6. С. 12–18. <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2020-6-12-18>
3. Звягина Н. С. Своевременность совершения процессуальных действий как механизм управления рисками в гражданском судопроизводстве. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2021. № 4. С. 50–55. <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-4-50-55>
4. Юдин А. В. «Улики поведения» в гражданском и арбитражном процессе (к вопросу о доказательственном значении фактов процессуального поведения лиц, участвующих в деле). *Вестник гражданского процесса*. 2016. № 4. С. 12–32. Yudin A. V. "Evidence of behavior" in the civil and arbitration procedure (to the question of the evidentiary value of the facts the procedural conduct of persons involved in the case. *Herald of Civil Procedure*, 2016, (4): 12–32. (In Russ.)
5. Треушников М. К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М.: Городец, 2021. 304 с. Treushnikov M. K. *Forensic evidence*. 5th ed. Moscow: Gorodets, 2021, 304. (In Russ.)
6. Бюлов О. Учение о процессуальных возражениях и процессуальные предпосылки. М.: Статут, 2019. 240 с. Bülov O. *The doctrine of procedural objections and procedural prerequisites*. Moscow: Statut, 2019, 240. (In Russ.)
7. Решетникова И. В. Размышляя о судопроизводстве: избранное. М.: Статут, 2019. 510 с. Reshetnikova I. V. *Judicial proceedings: selected works*. Moscow: Statut, 2019, 510. (In Russ.)

8. Курочкин С. А. Эффективность гражданского судопроизводства. М.: Статут, 2020. 358 с.
Kurochkin S. A. *Efficiency of civil litigation*. Moscow: Statut, 2020, 358. (In Russ.)
9. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства, под ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2021. 460 с.
Relevant issues of civil and administrative proceedings, ed. Yarkov V. V. Moscow: Statut, 2021, 460. (In Russ.)
10. Афанасьев С. Ф., Баулин О. В., Лукьянова И. Н., Опалев Р. О., Михайлов С. М., Раскатова Н. Н., Фокина М. А., Юдин А. В., Юсупов Т. В. Курс доказательственного права: гражданский процесс, арбитражный процесс, административное судопроизводство. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 656 с.
Afanasiev S. F., Baulin O. V., Lukyanova I. N., Opalev R. O., Mikhailov S. M., Raskatova N. N., Fokina M. A., Yudin A. V., Yusupov T. V. *Evidence law: civil process, arbitration process, and administrative legal proceedings*. 2nd ed. Moscow: Statut, 2019, 656. (In Russ.)
11. Загидуллин М. Р. Ответственность за злоупотребление процессуальными правами и ее влияние на гражданский оборот и сокращение судебных разбирательств. *Liber Amicorum в честь профессора Абовой Тамары Евгеньевны. Современное гражданское обязательственное право и его применение в гражданском судопроизводстве*: сб. тр. конф. (Москва, 30 ноября – 1 декабря 2017 г.) М.: Проспект, 2019. С. 327–332.
Zagidullin M. R. Responsibility for the abuse of procedural rights and its impact on civil circulation and the reduction of litigation. *Liber Amicorum dedicated to Professor Tamara Abova. Modern Civil Law of Obligations and its Application in Civil Proceedings*: Proc. Conf., Moscow, 30 Nov – 1 Dec 2017. Moscow: Prospekt, 2019, 327–332. (In Russ.)
12. Володарский Д. Б., Кашкарова И. Н. К вопросу о рецепции доктрины эстоппеля: процессуальный аспект (часть 2). *Закон*. 2021. № 8. С. 131–152.
Volodarskiy D. B., Kashkarova I. N. On the issue of the estoppel doctrine implementation: procedural aspects (part 2). *Zakon*, 2021, (8): 131–152. (In Russ.)
13. Потапенко Е. Г. Оптимизация гражданского процессуального законодательства в направлении обеспечения баланса специализации и унификации процессуального права. *Вестник гражданского процесса*. 2021. Т. 11. № 3. С. 70–108. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2021-11-3-70-108>
Potapenko E. G. Optimization of civil procedural legislation towards the balance of specialization and unification of procedural law. *Herald of Civil Procedure*, 2021, 11(3): 70–108. (In Russ.) <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2021-11-3-70-108>
14. Воронов А. Ф. Содержание экономической деятельности. *Вестник гражданского процесса*. 2017. Т. 7. № 6. С. 13–33.
Voronov A. F. The content of economic activity. *Herald of Civil Procedure*, 2017, 7(6): 13–33. (In Russ.)
15. Султанов А. Р. Жажда справедливости: борьба за суд. М.: Статут, 2014. 304 с.
Sultanov A. R. *Thirst for justice: fight for judgment*. Moscow: Statut, 2014, 304. (In Russ.)
16. Шайхеев Т. И. Практика рассмотрения гражданских дел по спорам, связанным с правами на земельные участки, в Республике Татарстан. *Аграрное и земельное право*. 2014. № 11. С. 25–29.
Shaikheev T. I. The practice of consideration of civil cases related to disputes over rights to land in the Republic of Tatarstan. *Agrarian and land law*, 2014, (11): 25–29. (In Russ.)
17. Можиян С. А. Применение правил исключительной подсудности к спорам об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2020. № 1. С. 12–16.
Mozhilyan S. A. Use of rules of exclusive jurisdiction for disputes on levy of execution on mortgaged property. *Arbitrazh and Civil Procedure*, 2020, (1): 12–16. (In Russ.)
18. Бочарникова К. В. «Колизионный вопрос» в деле об обращении взыскания на недвижимое имущество, находящееся в залоге. *Юрист*. 2017. № 5. С. 16–20.
Bocharnikova K. V. "Conflict issue" in the case of foreclosure on pledged real property. *Jurist*, 2017, (5): 16–20. (In Russ.)
19. Кальгина А. А., Ильин Б. В. Эффективность судопроизводства: исключительная подсудность. *Вестник арбитражной практики*. 2018. № 5. С. 47–57.
Kalgina A. A., Ilyin B. V. The effectiveness of legal proceedings: exclusive jurisdiction. *Vestnik Arbitrazhnoy Praktiki*, 2018, (5): 47–57. (In Russ.)
20. Александрова М. А., Громов С. А., Краснова Т. С., Рассказова Н. Ю., Рудоквас А. Д., Рыбалов А. О., Толстой Ю. К. Заключение кафедры гражданского права СПбГУ на проект изменений раздела о вещных правах ГК РФ. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2020. № 7. С. 62–111.
Aleksandrova M. A., Gromov S. A., Krasnova T. S., Rasskazova N. Yu., Rudokvas A. D., Rybalov A. O., Tolstoy Yu. K. Opinion of the Civil Law Department of St. Petersburg State University on the draft amendments to the section on property rights of the Civil Code of the Russian Federation. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiyskoi Federatsii*, 2020, (7): 62–111. (In Russ.)
21. Рыбалов А. О. Lex commissoria в современном праве. *Вестник ВАС РФ*. 2013. № 3. С. 6–13.
Rybalov A. O. Lex commissoria in modern law. *Vestnik VAS RF*, 2013, (3): 6–13. (In Russ.)

22. Гузий Д. А. Прекращение процессуального положения третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, в гражданском судопроизводстве: проблемы теории и практики. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2021. № 10. С. 6–10. <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-10-6-10>
Guziy D. A. Termination of the procedural position of third parties filing no independent claims regarding the dispute subject in civil proceedings: problems of the theory and practice. *Arbitrazh and Civil Procedure*, 2021, (10): 6–10. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-10-6-10>
23. Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М.-Берлин: Инфотропик Медиа, 2012. 608 с.
Yarkov V. V. *Legal facts in the civil procedure*. Moscow-Berlin: Infotropik Media, 2012, 608. (In Russ.)
24. Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Ярков В. В. Судебное правотворчество в условиях пандемии коронавируса: нонсенс или необходимость? *Закон*. 2020. № 5. С. 107–117.
Branovitsky K. L., Rents I. G., Yarkov V. V. Judicial rule-making in the context of coronavirus pandemic: absurdity or necessity? *Zakon*, 2020, (5): 107–117. (In Russ.)